

ФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ.

I.

Значение Гегелевской философии въ настоящее время.

1860.

Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящиа далеко въ сторону дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ предъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный шути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначеннай царю въ чертогѣ! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщеный всю ночь огнями; но мимо его въ глухой темнотѣ текли люди,—и сколько разъ, уже наведенные искривившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влакась всѣльдь за болотными огнями, умѣли таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: гдѣ выходъ, гдѣ дорога?

Мертвые души.

Какія мрачныя краски! Несмотря на то, нашъ великий поэтъ правъ по своему, какъ поэтъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ мыслящихъ людей, хотя разъ въ жизни, не являлась эта картина? Какія бы убѣжденія кто ни приобрѣль, какой бы путь ни считалъ прямымъ, кого не поражали тысяче-кратныя и упорныя уклоненія отъ этого пути? Если у человѣка есть сердце, то съ такимъ взглядомъ на міръ возможна только одна жизнь,—борьба, непрерывная, неустающая борьба. Но тяжело такъ враждебно смотрѣть на божій міръ, тяжело видѣть, какъ міръ враждебно смотритъ на тебя. Отъ такой борьбы умираютъ; и отъ такой борьбы, дѣйствительно, умеръ Гоголь.

Такіе люди однакоже еще счастливы, потому что они по крайней мѣрѣ убѣждены безъ всякой тѣни сомнѣнія въ существованіи прямого пути,—пути, озаренного солнцемъ и всю ночь освѣщенного огнями. Есть другія убѣжденія, от-

части сродныя съ первыми, но еще болѣе печальныя—это мысли, на которыхъ любить останавливаться Герценъ. Его докторъ Круповъ думалъ, что родъ человѣческій состоить изъ однихъ поврежденныхъ въ умѣ. Отсюда послѣдовательно выходитъ, что земля есть больная планета, а человѣкъ есть организмъ, неудавшійся природѣ. Поэтому, исторія ума человѣческаго есть рядъ громадныхъ, гигантскихъ заблужденій, рядъ сумасшествій, тянувшихся цѣлыя тысячелѣтія. Полушутя, полусерьозно, Герценъ начинаетъ даже ожидать геологического переворота, который поглотилъ бы человѣчество и произвелъ бы новыя существа, болѣе подходящія къ его идеалу; онъ воображаетъ даже, какъ-будто пережилъ этотъ переворотъ, мысленно становится на другомъ берегу бездны, въ которую стремится человѣчество.

Страшныя убѣжденія! Еще тяжелѣе жить въ этой пустынѣ, тяжелѣе остаться одному послѣ геологического переворота, чѣмъ жить во враждѣ среди кипящаго многолюдія.

Итакъ, вотъ два рода убѣжденій, и какъ странно, что, при всей ихъ противоположности, они ведуть къ тому же безотрадному концу!

Признаете вы истину, найдете прямой путь—и вамъ приходится оплакивать чуть не все человѣчество, и настоящія, и прошлые поколѣнія, ибо они идутъ не по вашему пути, и вы видите ясно, что они добираются до пропасти.

Отвергнете вы всякия убѣжденія—и вамъ приходится опять скорбѣть, какъ единому разумному среди толпы умалишенныхъ, ибо люди ни за что не хотятъ оставить своихъ убѣжденій.

Какъ же быть? Неужели нѣтъ взгляда на міръ, который позволялъ бы намъ жить на нашей прекрасной планетѣ, не слишкомъ торопясь къ геологическому перевороту и не слишкомъ много убиваясь о заблужденіяхъ человѣчества? Который давалъ бы надлежащую мѣру и нашей враждѣ, и нашей печали, давалъ бы хотя нѣкоторый смыслъ той кутерьмы, которую мы видимъ вокругъ себя?

Такой взглядъ долженъ быть, съ этимъ легко согласиться напередъ. И онъ дѣйствительно есть, онъ составляеть философію, до которой достигло человѣчество. Философія есть

трезвый, здоровый взглядъ на міръ; я разумѣю здѣсь настоящую философію Гегеля.

Замѣтьте, на самомъ дѣлѣ, что Гоголь и Герценъ, несмотря на яркую ихъ противоположность, сходны въ одномъ: и тотъ и другой большие идеалисты.

Гоголь, напримѣръ, выбравши прямой путь, слишкомъ идеально смотритъ на него. Онъ думаетъ, что только этотъ путь и озаренъ солнцемъ, и почему-то воображаетъ, что другие темны, глухи и непроходимы, заносять въ сторону и приводятъ къ пропастямъ. Между тѣмъ, это не такъ. Всѣ пути болѣе или менѣе освѣщены, всѣ выходятъ на большую дорогу жизни, и въ то же время нѣтъ ни одного, на которомъ бы нельзя было опасаться «слѣпого тумана» и не нужно было осторегаться пропастей.

Герценъ же еще идеальнѣе Гоголя. Его идеалъ—дорога, по которой никто еще не ходилъ, существо, котораго еще не было и которое будетъ произведено землею только послѣ слѣдующаго геологического переворота. Онъ и его герои только прикидываются реалистами, медиками, очень занятыми полушаріями большого мозга; на самомъ же дѣлѣ даже ихъ будущій геологическій переворотъ, — повидимому, нѣчто очень реальное,—есть чистая мечта.

Всѣ эти соображенія я привелъ не съ тѣмъ однакоже, чтобы голословно похвалить философію Гегеля, но чтобы нѣсколько пояснить взглядъ, который можно составить себѣ относительно состоянія самой философіи въ настоящее время.

Если бы какой-нибудь идеалистъ, подобный Гоголю или Крупову, взглянулъ на состояніе философіи у насть, или въ западной Европѣ, то, безъ сомнѣнія, пришелъ бы въ отчаяніе и разразился бы воплемъ, подобнымъ жалобѣ Гоголя. На самомъ дѣлѣ, кто занимается философіею, кто уважаетъ ее? Не сдѣлалась ли она посмѣшищемъ для толпы, не считаетъ ли каждый своимъ долгомъ отпустить нѣсколько шуточекъ на счетъ ея и показать, что и онъ *также* на столько уменъ, что считаетъ философію вздоромъ? Дѣйствительно, таково общее расположеніе массы образованныхъ людей, даже въ Германіи, даже тамъ, где нѣкогда публика съ благоговѣniемъ чтила философію и философовъ.

Но едва ли отсюда можно что-нибудь заключать о состоянии философии. Всеобщий энтузиазмъ для нея имѣть столь же малое значение, какъ и всеобщее пренебреженіе. Шлоссеръ, воплощенная правдивость, прекрасно разсказываетъ о временахъ, когда Фихте преподавалъ въ Генѣ. «Мы мало его понимали, говорить онъ, тѣмъ не менѣе онъ возбуждалъ энтузиазмъ, отчасти весьма полезный». Философія всегда была и всегда будетъ доступна для немногихъ. Массъ заниматься ею некогда,—ей нужно жить, чувствовать и двигаться, совершасть всемирную исторію. Философія можетъ требовать только одного—влиянія на умственную жизнь, и это влияніе она имѣть неизбѣжно, неизмѣнно.

Впрочемъ, и въ самомъ кругѣ философствующихъ умовъ, въ настоящее время, господствуетъ очевидная слабость и разладица. Охотники до новизны, люди, воображающіе, что писанное десять лѣтъ назадъ уже никуда не годится въ сравненіи съ мудростю нынѣшнихъ книгъ, тѣ говорятъ очень просто, что система Гегеля пала, и что явились потомъ многія другія системы, изъ которыхъ они принадлежать къ такому-то, или—которые все также никуда негодятся. Но дѣло, кажется, имѣть другой видъ. Также точно просто,—системы Гегеля не поняли, пустились оригинальничать и никто ничего истинно-новаго сказать не можетъ, хотя все разсыпались—кто въ лѣсь, кто по дрова.

Какъ ничтожно нынѣшнее философское движение, видно уже изъ того, сколько шуму дѣлали и дѣлается въ настоящее время материализмъ. Начиная отъ Канта и до распаденія Гегелевской школы, материализмъ не имѣлъ никакого значенія въ Германіи, и процвѣталъ только во Франціи, да въ Англіи. Материализмъ есть ученіе неистребимое, которое всегда, во всякую эпоху человѣчества имѣло и будетъ имѣть представителей; но въ глазахъ философовъ онъ постоянно имѣлъ очень малую, можетъ быть даже слишкомъ малую важность, чтобы обращать на него серьзное вниманіе. Нынѣ онъ важенъ необыкновенно. По Европѣ загремѣли имена, которымъ не прожить и двадцати лѣтъ, и которыхъ принимаются однакоже за имена новѣйшихъ философовъ. Кто не знаетъ знаменитаго триумвирата—Карла Фохта, Молешотта и Бюхнера?

Карлъ Фохтъ, котораго нѣмецкіе книгопродавцы въ своихъ объявленіяхъ и русскіе журналы въ своихъ ученыхъ статьяхъ называютъ *гениальныи мъ*, есть натуралистъ изъ числа самыхъ обыкновенныхъ натуралистовъ. Ученая братія, по его специальности, не особенно уважаетъ его. Онъ сочинилъ зоологическую систему, которая пала немедленно по напечатаніи, несмотря на сильное желаніе Фохта произвести переворотъ. Впрочемъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько хорошихъ изслѣдованій, но зоологическихъ, а не философскихъ. Что же касается до философіи, то онъ совершенно не виноватъ; онъ отпустилъ нѣсколько шуточекъ, нѣсколько нѣмецкихъ остротъ, —виноватъ ли же онъ, что публика приняла это за глубокія философскія соображенія? Говорятъ, Карлъ Фохтъ добрый и веселый человѣкъ и натура не испорченная, — отъ рода не знакомъ ни съ философскими, ни съ богословскими тонкостями; какъ натуралисту, ему даже весьма позволительно быть материалистомъ; непозволительно только подымать изъ-за этого шумъ.

Яковъ Молешоттъ гораздо серіознѣе Фохта; онъ — натура чисто нѣмецкая, восторженная, дѣлаетъ постоянно восклицанія и ссылается на Фейербаха, единственного философа, на котораго ссылаются материалисты, именно потому, что Фейербахъ отказался отъ всякой философіи. Молешоттъ серіознѣе, но ни чуть не основательнѣе Фохта. Онъ пишетъ напр. заглавіе — *Мышленіе*. Вы думаете, что дѣло идетъ дѣйствительно о мышленіи, а онъ толкуетъ о томъ, что если выпить шампанского, то являются веселыя мысли, что на голодный желудокъ человѣкъ имѣеть мрачный взглядъ на міръ и т. п. — словомъ, что мышленіе зависитъ отъ тѣла. Но, кто же сомнѣвался въ этомъ и можно ли выдавать это за новѣйшее открытие? Другая глава подъ заглавиемъ — *Воля*. Та же самая исторія. Говорится о томъ, что ничего не бываетъ безъ причины, что ваниль, яйца и глинтвейнъ возбуждаютъ похоть, и приводятся также другіе примѣры.

Молешоттъ тоже заслужилъ себѣ справедливую известность между физіологами, заслужилъ ее безпрерывными изысканіями въ области физіологии. Но что публика физіологію принимаетъ за философію — это не его вина.

Бюхнеръ, безъ сомнѣнія, стоитъ ниже обоихъ предыдущихъ.—Богъ его знаетъ, ученый ли онъ: онъ докторъ, да кто же въ Германіи не докторъ? Но онъ ничѣмъ не заслужилъ себѣ извѣстности въ наукахъ. Онъ легко пишетъ—заслуга великая! Онъ собралъ въ маленькую книжку ходячія мнѣнія матеріализма, простѣйшія, наивнѣйшія положенія, собралъ безъ связи, безъ системы, безъ признака оригиналности,—вотъ вамъ и новѣйшій философъ!

Итакъ, весь шумъ, который произвели эти писатели, нимало не относится къ философіи, ибо онъ показываетъ скорѣе отсутствіе философіи; она осталась при этомъ совершенно въ сторонѣ.

Что матеріализмъ имѣеть въ настоящее время особенно важное значеніе, какъ слѣдствіе развитія естественныхъ наукъ и также той степени развитія, на которой находится самая философія,—это другой вопросъ. Въ такомъ случаѣ представителями матеріализма должно считать не Фохта, Молешотта и Бюхнера, а цѣлый рядъ дѣйствительно великихъ натуралистовъ и математиковъ. Значеніе же, которое пріобрѣло изученіе природы въ послѣднія столѣтія, должно быть приписано философскому перевороту въ умахъ, и философія содержитъ въ себѣ глубочайшій смыслъ этого изученія. Тѣмъ не менѣе, однакоже, нельзя считать натуралистовъ философами, и односторонняго взгляда, который неизбѣжно у нихъ развивается, нельзя принимать за философію. Все это совершенно понятно для знакомыхъ съ философіею. Вообще замѣтимъ, чтобы отличить какія бы то ни было умственныя явленія отъ философіи, для этого, очевидно, нужно знать философію, нужно философствовать. Какъ ни просты эти истины, ихъ безпрерывно забываютъ. Большею частію о философіи знаютъ только, что она темна, т. е. ея не знаютъ и однакоже берутся судить о ней.

Итакъ, развитіе матеріализма именно въ той формѣ, какъ онъ является у натуралистовъ,—не имѣть никакой важности для философіи. По правилу Гегеля—«что дѣйствительно, то разумно» это развитіе должно быть почитаемо недѣйствительнымъ, ничтожнымъ. Оно такъ и есть; нельзя же считать дѣйствительнымъ явленіемъ въ философіи то, что къ ней вовсе не относится.

Но въ Германії существуютъ, кромъ того, настоящія философскія ученія, разнообразныя и даже противоположныя. Процвѣтаетъ школа Гербarta, есть ново-шеллингіанцы, новокантіанцы, есть послѣдователи Фейербаха, Тренделенбурга и проч. Но нѣть ни одного ученія господствующаго, ни одно не обѣщаетъ великой будущности. Выражая прямо свою мысль, я долженъ сказать, что всѣ эти школы—суть ересь, расколъ въ отношеніи къ философіи Гегеля, что всѣ онъ «недѣйствительны» по его терминологіи. Очевидно—наслѣдника Гегеля нѣтъ. На страшной высотѣ, на которую онъ поднялся, закружилась голова у его послѣдователей, и вотъ они сопли немножко пониже, тогда какъ у другихъ не хватаетъ силъ, чтобы подняться на эту высоту. Слѣдовательно, явленіе многихъ равносильныхъ и разновидныхъ ученій есть необходимое слѣдствіе самаго явленія Гегеля. Но, само собою разумѣется, на всѣхъ ученіяхъ отразился его могучій духъ, вліяніе осталось—глубокое, неминуемое вліяніе, и постепенно оно возьметъ верхъ, и если философія и получитъ новый видъ, то останется въ сущности тою же единою философіею, которая, по ученію Гегеля, началась съ Фалеса и непрерывно идетъ до нашихъ дней.

Все это еще немного доказываетъ въ пользу философіи Гегеля. Я хотѣлъ только показать, что весьма неосновательно мнѣніе тѣхъ, кто изъ малаго числа послѣдователей Гегеля въ Германіи заключаетъ о паденіи его философіи. Дѣло совсѣмъ не въ послѣдователяхъ, а въ самой философіи. Философія не избирается по большинству голосовъ, какъ французскіе императоры. А иначе, ученіе о самодвижущихся и самопишущихъ столикахъ имѣло бы огромный перевѣсъ надъ философіею Гегеля.

Въ настоящее время уже начинается *возобновленіе* Гегелевої философіи. Куно Фишеръ, безъ всякаго сомнѣнія, блестательный изъ современныхъ философскихъ писателей и профессоровъ,—истолковываетъ въ своихъ сочиненіяхъ философію Гегеля.

Философія Гегеля есть ученіе весьма серіозное, весьма строгое, важное и глубокое. Она не легко понимается, но когда все дѣло, вся сущность заключается въ *пониманіи*, какъ же вы хотите, чтобы пониманіе было легко? Оно такое, ка-

кое есть, какое должно быть. Въ другихъ наукахъ пониманіе какъ-будто отдалено отъ предмета, а здесь они сливаются; *результаты не существуютъ отдельно отъ пониманія ихъ вывода.*

Вообще, въ пользу философіи Гегеля можно привести одно важное доказательство: она такова — какова должна быть философія. На самомъ дѣлѣ, какъ ни темны обыкновенныя представленія о философіи, можно, даже опираясь только на нихъ, показать, что философія Гегеля удовлетворяетъ всѣмъ ихъ требованіямъ.

Чего вы хотите, чего ожидаете отъ философіи?

Очевидно напр., что философія не должна заключать въ себѣ какихъ-нибудь особыхъ откровеній, какихъ-нибудь таинствъ или гипотезъ, словомъ, не должна перестраивать жизнь и міръ на свой манеръ, или выворачивать его наизнанку. Здравое чувство тотчасъ отвергнетъ какое-нибудь учение о *духахъ*, о явленіи мертвцовъ, или хотя бы учение о монадахъ, будуть ли это монады Лейбница, или же престранныя монады Гербарта. Мы знаемъ, что только юности свойственно думать о жизни, какъ думалъ Ленскій:

Надъ ней онъ голову ломалъ
И — чудеса подозрѣвалъ.

Намъ нужно, слѣдовательно, объясненіе той самой жизни, которую мы живемъ и которую хорошо знаемъ, и до монадъ или другихъ хитростей намъ вовсе нѣтъ дѣла.

Ни одна изъ философскихъ системъ не удовлетворяетъ въ такой степени этому требованію, какъ система Гегеля. Всѣ другія непремѣнно претендуютъ на какія-то открытия. Фрисъ, напримѣръ, думаетъ, что міръ вовсе не таковъ, какъ мы его видимъ, что нужно вѣровать въ другой міръ, дѣйствительный, который закрыть видимымъ, какъ туманомъ. Гербартъ, какъ я сказалъ, нашелъ, что существуютъ только монады, а не то, что мы видимъ на самомъ дѣлѣ; обѣ новошеллингіанцахъ и говорить нечего: тѣ дѣйствительно *чудеса подозрѣваютъ*.

Материалисты хвалятся тѣмъ, что открыли источникъ всего, именно — *матерію* и движеніе ея частицъ; даже Фейербахъ, и тотъ воображаетъ, что онъ открылъ истинный пред-

меть, которому должно поклоняться человѣчество, и нашелъ источникъ заблужденій, которымъ оно подвергается.

Всѣ гоняются за новымъ, за новѣйшимъ, за открытиями и оригинальностью; одинъ Гегель утверждаетъ, что онъ ничего не открылъ. Тогда какъ Фейербахъ, *послѣдній философъ*, отвергаетъ всю философию и, слѣдовательно, хочетъ, во что бы то ни стало, стать въ противоположность со всѣми философами, Гегель смиренно становится на ряду съ Фалесомъ, первымъ философомъ отъ сотворенія міра. Гегель признаетъ всю философию, какая ни была; всѣ другие готовы отвергнуть всю философию и оставить только свою систему.

Напрасно стараются, какъ это ясно само-собою. Если Гегель признаетъ всю философию, очевидно, онъ признаетъ и ихъ системы, признаетъ въ той степени, какъ они этого заслуживаютъ. Какія бы усиленія ни дѣлалъ умъ человѣческій, хотя бы даже онъ старался сбросить съ себя собственную природу, онъ все-таки останется умомъ и, слѣдовательно, всякая попытка его, всякое движение входить въ систему Гегеля, расширяеть ее, усиливаетъ, но никакъ не измѣняеть, не противорѣчитъ ей. Гегель первый понялъ то, что неясно чувствовали, чemu явно слѣдовали всѣ философы, то-есть, что они стоять на общей, неизмѣнной почвѣ.

Всеобщность есть необходимое условие философіи. Кто не чувствуетъ недовѣрія къ философу, который понимаетъ только себя, только свои собственные мысли, и передъ которымъ все остальное — мракъ и неразуміе? Полная система должна заключать въ себѣ смыслъ всѣхъ существовавшихъ системъ, должна быть ихъ довершеніемъ, ихъ развитіемъ, а не отрицаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, нужно питать какое-то презрѣніе къ человѣческому уму для того, чтобы представить, что онъ заблуждался до нынѣшняго дня и только сегодня увидѣлъ истину, что философы, великие представители ума, выдумывали свои системы такъ, ни съ того, ни съ сего, и могли говорить вздоръ отъ первой страницы до послѣдней.

Междудѣмъ, такъ часто смотрятъ на философию. Еще недавно въ «Русской Бесѣдѣ» была приведена статья Уивеля, объ англійскомъ воспитаніи. Въ этой статьѣ знаменитый наблюдательный философъ хвалитъ англійское воспитаніе за то, что оно чуждается умозрительной философіи. По мнѣнію его,

эта философия не имѣть ничего постоянного, прочного. Система Канта разрушена системою Фихте, система Фихте—Шеллингомъ; Шеллинга замѣнилъ Гегель, а теперь нѣмцыувѣряютъ, что и Гегель не вѣренъ. За кого же прикажете взяться, на комъ остановиться?..

Прекрасно отвѣчаетъ на это Гегель. Изучайте, говорить онъ, какого угодно философа, вы все-таки будете философствовать, вы узнаете философию. Какая угодно философія есть все-таки философія, и послѣдователь ея будетъ посвященъ въ тайны ума.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Гегелемъ конченъ раздоръ между философами; онъ возвелъ философию на степень науки, поставилъ ее на незыблемомъ основаніи, и если его система должна бороться съ различными мнѣніями, то именно потому, что всѣ эти мнѣнія односторонни, исключительны, что *они* враждуютъ противъ Гегеля, а не Гегель противъ нихъ.

В. Григорьевъ, известный нашъ оренталистъ, рассказываетъ, какъ Грановскій въ Берлинѣ восхищался Гегелемъ и убѣждалъ своего друга заняться его философией. В. Григорьевъ не послушался, однако же, и, чтобы оправдать себя передъ читателями, предложилъ имъ слѣдующее философское разсужденіе:

«Мы, говорить онъ, привыкли, все дѣлать основательно. Чѣдѣ значить одна какая-нибудь система Гегеля? Если изучать философию, то ужъ не такъ легкомысленно, какъ Грановскій; нужно изучать всѣхъ философовъ—и Декарта, и Лейбница и т. д. Потому-то мы и были холодны къ его восторгу».

И такихъ возраженій не боится система Гегеля. Она даетъ ключъ къ пониманію всѣхъ другихъ системъ, она совмѣшаетъ ихъ въ себѣ. Даже, какъ мы видѣли, всякую другую систему она считаетъ годною для того, чтобы чей-нибудь умъ сталъ философствующимъ умомъ. Само собою понятно, что его собственная система годится для этого по преимуществу.

Такое свойство системъ, кажется, легко понять. Такъ тотъ, кто вполнѣ понялъ поэтическія красоты, напримѣръ «Евгения Онѣгина», очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ поэзію, способенъ понимать красоты другихъ поэтическихъ созданій, способенъ наслаждаться ими. Для этого вовсе не нужно прочесть

всѣхъ поэтовъ древнихъ и новыхъ и потомъ изъ всего этого составить себѣ понятіе о поэзіи. Какъ поэзія, какъ истина, такъ и философское мышленіе были и будуть во всѣ времена, болѣе или менѣе, присущи человѣку.

Притомъ, связь между системами философи, по учению Гегеля, такова, что тотъ, кто проникъ въ смыслъ одной философи, необходимо будетъ увлеченъ къ переходу въ другую систему, слѣдующую за первою вмѣстѣ по духу и по времени; такъ что, въ частномъ умѣ должна повториться вся смысла философскихъ системъ, которая произошла въ исторіи, и онъ не успокоится дотолѣ, пока не достигнетъ послѣдней, самой спокойной и всесторонней системы, то-есть системы Гегеля.

Такое пониманіе связи между философскими системами принадлежитъ собственно Гегелю. Волшебное слово — *развитіе*, столь ясное, столь употребительное нынѣ во всѣхъ наукахъ, во всѣхъ взглядахъ, въ первый разъ съ полнымъ пониманіемъ произнесено Гегелемъ,— и теперь звучить на тысячи ладовъ и оживлять собою мышленіе цѣлаго человѣчества. Въ прошломъ вѣкѣ все казалось случайнымъ, малыя причины производили огромныя слѣдствія. Въ нашемъ вѣкѣ все развивается, все слѣдуетъ глубокимъ внутреннимъ законамъ.

Система Гегеля представляетъ, такимъ образомъ, развитіе философи, роскошный цвѣтъ и плодъ ума человѣческаго. Она носитъ на себѣ всѣ признаки такого довершенія, она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія вытекаютъ изъ самаго строгаго понятія о философи.

Она есть *полная* система, то-есть простирается на всю область мышленія и исторіи ума. Не забудьте, что это характеристическая черта Гегелевской философи; она не иначе могла явиться, какъ полною, всеобъемлющею; умъ не можетъ успокоиться, пока не охватить всего; какъ можетъ онъ иначе довѣриться себѣ? Извѣстно, что послѣ Гегеля не явились ни одной системы, которая была бы полна въ томъ смыслѣ, какъ полна его система.

Далѣе, она есть *строгая* система. Она не состоитъ изъ отрывочныхъ намековъ, изъ общихъ взглядовъ, изъ несвязныхъ частей; нѣтъ — все въ ней связано тѣсно, все точно развито, опредѣленно высказано. Вы видите ясно, что умъ

вполнѣ владѣеть собою, что онъ не путается, не устаетъ, не отрывается отъ предмета, не кончивъ дѣла.

Наконецъ, система Гегеля — *устойчивая*, твердая. Многіе воображаютъ себѣ, что философскія системы составляютъ какую-то цѣль положеній, изъ которыхъ одно опирается на другомъ, такъ что стоитъ пошатнуть нижнее положеніе и всѣ верхнія повалятся. Такое представленіе несправедливо относительно всѣхъ философскихъ системъ вообще, но менѣе всего справедливо относительно системы Гегеля. Она, отличаясь глубочайшимъ единствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ такова, что каждая ея часть не основана на чёмъ-нибудь предыдущемъ, а держится сама собою. Напрасно, въ самомъ дѣлѣ, иногда думаютъ, что, отвергая діалектическій переходъ отъ одной категоріи къ другой, можно разрушить его систему. При этомъ забываютъ, что каждый шагъ діалектики оправдывается самъ собою, стоитъ самъ за себя и, слѣдовательно, чтобы опровергнуть систему Гегеля, нужно опровергнуть каждый ея шагъ отдельно. Не думаю, однакоже, чтобы у самаго яраго противника Гегеля достало духу сказать, что въ громадной системѣ Гегеля каждый шагъ мышленія невѣренъ. А не забудьте, что каждый вѣрный шагъ есть подтвержденіе и уясненіе всего остального пути. Поэтому напрасны усилія тѣхъ, которые, опираясь на одну какую-нибудь точку, стараются пошатнуть громадное зданіе Гегеля. Если хотите его разрушить, то охватите со всѣхъ сторонъ.

Логика Гегеля рассматриваетъ категоріи, но способъ, которымъ она ихъ рассматриваетъ, самъ не подходитъ ни подъ какія категоріи. Его называютъ діалектикою и основной приемъ ея выражаютъ положеніемъ, противоположеніемъ и примиреніемъ въ третьемъ терминѣ. Но, собственно говоря, это *одни слова*, незаконные отвлеченія. На самомъ дѣлѣ, что вы называете діалектикою, если ходъ мышленія измѣняется при каждомъ переходѣ отъ одной категоріи къ другой? Діалектика — сама логика, вся логика, ибо каждый членъ необходиимъ для полнаго понятія о діалектицѣ. Сами категоріи переходятъ одна въ другую; слѣдовательно, какъ различны категоріи, такъ различна и ихъ діалектика. *Положеніе, противоположеніе и примиреніе* также ничего не означаютъ, потому что каждый разъ положеніе иное, и иное противово-

положение. Душа и тѣло, положительное и отрицательное, сущность и явленіе—конечно противоположны, но каждая пара противоположна по своему; слѣдовательно, что же значить противоположеніе?

Остается только одно—тройственность, группировка категорій по три. Но третій членъ, собственно, можно отбросить, потому что онъ есть какъ бы заключеніе, какъ бы то именно, что разсматривается въ первыхъ двухъ членахъ. Тогда останется только два члена. Два—простѣйшее число, простѣйшая форма различія. Какъ скоро вы начинаете отличать что-нибудь *одно* отъ *другого*, вы начинаете мыслить, начинается философія. И слѣдовательно, такое опредѣленіе, что въ философіи Гегеля постоянно отличается одно отъ другого, тоже не даетъ вамъ никакого понятія объ этой философіи. Логика Гегеля заключаетъ въ себѣ всевозможныя противоположенія, всевозможныя категоріи, и потому указать ея различіе отъ какого-нибудь приема мышленія, противоположить ея мышленіе какому-нибудь другому, подвести ея приемы подъ категоріи—невозможно.

Измѣненіе, которое можно въ ней произвести—принять новыя категоріи, или расположить категоріи въ другомъ порядке, по другой схемѣ; но сущность дѣла отъ этого не измѣнится.

Логика Гегеля представляетъ всѣ роды мышленія.

Бпрочемъ, что форма Гегелевской системы безукоризнена, въ этотъ сознаются самые ярые ея противники. Но каково содержаніе? Чему учить Гегель?

Вопросъ очень трудный. Гегель утверждаетъ самъ, что тотъ, кто не изучилъ его философіи, никакъ не можетъ получить понятіе о томъ, что въ ней заключается. Какъ же иначе, впрочемъ, и можетъ быть?

Иногда случается, что философію Гегеля называютъ чудовищнымъ пантезисомъ, ужасающимъ нигилизмомъ, обоготвореніемъ человѣчества и пр. Понятно, что такимъ образомъ хотятъ обозначить рѣшеніе Гегелемъ *извѣстныхъ* вопросовъ, и очевидно, что, разсматривая только эти вопросы, самую систему Гегеля рассматриваютъ односторонне. Явная ошибка въ отношеніи ко *всесторонней* системѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти названія совершенно не идутъ къ системѣ Гегеля. Такъ какъ она совмѣщаетъ всѣ системы, то къ ней съ равнымъ правомъ можно примѣнить всевозможныя названія. Она—и эмпирізмъ, и скептицизмъ, и абсолютный идеализмъ и т. д. Исторія, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ такое понятіе о системѣ Гегеля. Въ самомъ дѣлѣ, всевозможныя партіи, самыя противоположныя ученія опирались на эту систему; каждый видѣлъ въ ней свое, никто не видалъ того, что всѣ должны видѣть. Самое приличное для нее название есть раціонализмъ, въ томъ простомъ смыслѣ, что она есть философія, наука, область разума и мышленія.

Что же касается до чудовищного и ужасающаго,—эпитеты, особенно любимые французскими писателями,—то ничего такого поэтическаго, въ дурномъ смыслѣ слова, нельзя встрѣтить у Гегеля. Его система прозаична до высочайшей степени. Въ ней все до послѣдней крайности обыкновенно и просто; она держится къ землѣ такъ близко, какъ только это возможно; она безпрестанно борется съ такъ называемымъ здравымъ смысломъ, но это показываетъ только всю близость ихъ отношеній, все тѣсное родство ихъ; она бранить здравый смыслъ именно тогда, когда онъ перестаетъ здраво мыслить.

Само собою понятно, что такая сухая проза можетъ восхищать больше самой высокопарной поэзіи, что простота и, если можно такъ сказать, поплодъ здѣсь величественнѣе самыхъ возвышенныхъ мечтаній.

Таковы свойства Гегелевской системы вообще. Нельзя не видѣть, что они вполнѣ согласны съ идею философіи, что въ нихъ отразились свойства самаго разума,—души философскаго мышленія.

Философію Гегеля называютъ абсолютную философіею, называютъ справедливо, хотя понимаютъ это не вполнѣ вѣрно. Она абсолютна вообще, какъ и всякая другая философія; рѣшеніе самого маленькаго вопроса, если только оно рѣшеніе, уже будетъ абсолютно. Но, кромѣ того, она абсолютна потому, что Гегель задалъ себѣ вопросъ: какова должна быть философія? и разрѣшилъ его своею системою. Вопросъ и приемы здѣсь важнѣе рѣшенія. Если бы даже рѣшеніе было дурно, то все-таки сущность философіи Гегеля останется неприкосновенною. Ея духъ, ея стремленія, глубочайшія ея осно-

ванія—вотъ что абсолютно; но не абсолютно тѣ слова, которыя рука Гегеля чертила на бумагѣ, не абсолютно чернила, которыя засохли на этой бумагѣ. Множество обвиненій Гегелевой системы состоять въ какой-то односторонности, весьма понятной, но странной при обсужденіи философской системы. Система Гегеля—несовершена; да что же совершенно въ дѣлахъ человѣческихъ? Но въ самой сущности Гегелевой системы лежитъ, по крайней мѣрѣ, ясное пониманіе и живое, ясное стремленіе къ абсолютно-совершенной формѣ философіи. Гегель могъ быть одностороненъ во многихъ частяхъ системы, могъ односторонне смотрѣть на какой-нибудь предметъ; но къ существу самой системы принадлежитъ полная всесторонность взгляда. Какое-нибудь ученіе можетъ утверждать, что оно вполнѣ противорѣчитъ Гегелевой системѣ, что оно не примиряется съ нею никакимъ образомъ, т. е., что его существенные основы не заключаются въ ней; но въ самой сущности Гегелева взгляда лежитъ примиреніе всѣхъ взглядовъ, всѣхъ ученій, ихъ взаимное пониманіе, ихъ слияніе во едино. Слѣдовательно, если вы отвергаете Гегелеву систему на основаніи одного изъ подобныхъ возраженій, то вы отвергаете случайное и маловажное въ его системѣ, а не то, что въ ней всего важнѣе и существеннѣе. Гегель ошибался, какъ и всѣ люди; но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ относительно всей системы, относительно полнаго его взгляда.

Всѣ попытки опровергнуть Гегелеву систему, кажется, указываютъ желаніе — выйти за предѣлы ума, за предѣлы мышленія и, слѣдовательно, основываются на различеніи между мышленіемъ и дѣйствительностію, между знаніемъ и бытіемъ, между субъектомъ и объектомъ. Умъ человѣческій постоянно считаетъ себя пустымъ, какою-то формою безъ содержанія, а истину — чѣмъ-то полнымъ и плотнымъ, какимъ-то непроницаемымъ зерномъ.

Дѣйствительно, какъ бы свѣтла и широка ни была мысль, за нею, по краямъ, все еще мелькаетъ какая-то темная полоса; рядомъ съ постиженіемъ какъ-будто неизбѣжно стоять мысль о чѣмъ-то непостижимомъ. Но это чувство, эта мечта — вправѣ ли мы придавать ей важное значеніе для мышленія?

По этому слушаю я припомнить басню, которую мнѣ кто-то рассказывалъ.

Однажды солнцу донесли, что на землѣ не такъ хорошо идутъ дѣла, какъ оно думало; что, несмотря на весь его свѣтъ и на все стараніе, съ которымъ оно разбрасываетъ лучи во всѣ стороны, на землѣ все-таки много темнаго; что падаютъ тѣни отъ горъ, зданій и всякихъ другихъ предметовъ, что бываетъ пасмурно отъ облаковъ на огромныхъ пространствахъ, что въ ущельяхъ, въ пещерахъ ничего нельзя разглядѣть, и по ночамъ вездѣ бываетъ очень темно. Не довѣряя доносу и желая все изслѣдовать, не должно-ли оно дѣйствительно измѣнить свой образъ освѣщенія и свѣтить какъ-нибудь лучше, солнце пошло осматривать мѣста, на которыя ему указали. Поднялось туда, где была ночь, и видѣть, что все свѣтло; заглянуло подъ облака, въ ущелья горъ, въ темные лѣса, въ глухія пещеры и видѣть, что и тамъ все свѣтло. И словомъ, куда ни приходило солнце, вездѣ было свѣтло, какъ днемъ. Тогда солнце успокоилось и стало свѣтить по прежнему.

Съ этимъ путешествующимъ солнцемъ можно сравнить разумъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только указать разуму на что-либо темное,—и самыи взглядъ разума будетъ уже озареніемъ этого темнаго. Разуму, какъ солнцу, не нужно изменять своего образа дѣйствія, потому что онъ не виноватъ, если темно тамъ, где его нѣть, или, еще лучше, куда онъ не глядитъ. Много есть тѣней, много темныхъ мѣстъ, но отсюда не слѣдуетъ, что разумъ дурно свѣтить. Поэтому, чтобы бы вы ни признавали виѣ разума, какой-нибудь неразрѣшимый субстратъ, допредметный міръ, что-нибудь не-мыслимое, не-сказываемое, это ни мало не касается до разума, не касается до системы Гегеля. Вы признаете что-нибудь не-мыслимое, не-выразимое, — вы имѣете полную свободу признавать, что вамъ угодно. Но если это — немыслимое, такъ не мыслите же обѣ немъ, если это — несказываемое, такъ не говорите же обѣ немъ. И если бы вы даже и могли какъ-нибудь обозначить ваше *не-разумное*, то есть ли въ этомъ хоть что-нибудь противорѣчащее системѣ Гегеля? Вѣдь, она говоритъ только о томъ, о чёмъ можно говорить, мыслить только о томъ, о чёмъ можно мыслить. Если въ этомъ

отношениі она вполнѣ удовлетворительна, то чого же вы отт
всѧ хотите?

Но, очевидно,—

Умыселъ другой здѣсь былъ.

Къ системѣ Гегеля приступаютъ съ требованіями, заранѣе составленными. Эту жажду таинственаго, безконечнаго, божественнаго, которая безпрерывно пожираетъ человѣка, ее хотѣли бы утолить струею философіи и находять съ сокрушениемъ, что Гегелева система ея не удовлетворяетъ. Гегелеву философію находить пустою, холодною, формальною, все разрѣшающую въ понятія и формулы. Такъ ли это,—незнаю. Прошу припомнить, что Гегель самъ жаловался на то, что его понялъ только одинъ, да и тотъ превратно понялъ. Еслибы его система состояла изъ одного *механизма пустыхъ понятій*, едва-ли бы это могло случиться, едва-ли бы такъ трудно было понимать его систему. Гегелю можно было по-вѣрить въ этомъ случаѣ. Извѣстное дѣло, что пониманіе нерѣдко есть вмѣстѣ и извращеніе. Мы всѣ понимаемъ по своему, и глубокая мысль чаще всего остается непонятною, пока не превратятъ ее въ «механизмъ пустыхъ понятій». Поискать въ исторіи философіи, такъ не мало можно найти поучительныхъ примѣровъ такого рода.

Даже для самыхъ мыслителей, едва-ли не тотъ же законъ имѣеть силу. Пока поставленъ вопросъ, пока на него устремлена вся сила мышленія, едва-ли онъ не понимается глубже, чѣмъ когда уже его решеніе записано и повторяется одинаково многіе годы. И очень можетъ быть, что иногда тѣ, которые еще не вполнѣ понимаютъ Гегеля, понимаютъ его лучше, нежели тѣ, которые увирились, что вполнѣ поняли и однакоже нашли въ немъ только «механизмъ пустыхъ понятій».

Но, какъ бы то ни было, система Гегеля дѣйствительно холодна, безразлична; дѣйствительно, превращая постепенно все въ понятія, мы утомляемся, мы начинаемъ чувствовать тоску и недостатокъ чего-то болѣе живого, болѣе теплаго. Чѣмъ же изъ этого слѣдуетъ? Не странно-ли было бы требованіе, чтобы философія сама по себѣ могла насть вполнѣ удовлетворить? Для этого-бы нужно было, чтобы кромѣ фи-

лософії ничего не существовало. Между тѣмъ, именно это требование лежитъ въ основаніи многихъ возраженій противъ Гегеля. Идеализмъ, постоянно господствующій надъ человѣчествомъ, нигдѣ ни выражается сильнѣе. Хотять непремѣнно всего себя, всю свою жизнь свести въ одну точку, хотять перенестись цѣликомъ въ самый центръ бытія и, сидя за книгой, чувствовать себя всеблаженнымъ. Явная невозможность!

Представьте, что вы заняты вычислениемъ движенія свѣтиль небесныхъ. Вамъ, наконецъ, наскучили сухія формулы и цифры, и вы говорите: какъ все это мертво! Но не забудьте, что самая свѣтила отъ этого, такъ сказать, не мертвы и нисколько не скучны. Солнце всходить и заходить съ большимъ великолѣпіемъ и пышностю; звѣзды даютъ ночи невыразимую таинственность и задумчивость; луна плаваетъ такъ плавно и свѣтить такъ кротко! Если вы скучаете за выкладками, то свѣтила въ этомъ нисколько не виноваты. Любуйтесь ими, если хотите, но если вы пожелали узнать ихъ движенія, то выкладки и формулы необходимы, неизбѣжны.

То же самое можно, кажется, сказать о философії. Если вы желаете проникнуть въ тайны бытія и мышленія, сидите въ комнатѣ и читайте Гегеля; если вами овладѣеть тоска,—понятная вещь, я знаю, отъ чего: *не добро быти человѣку единому*; ступайте гулять, ступайте жить, а не мыслить. Это прекрасно, это хороший знакъ, что вы не можете, подобно индѣйскому брамину, просидѣть всю жизнь на мѣстѣ, смотря на кончикъ своего носа.

Въ самомъ дѣлѣ, какой страшный долженъ быть идеализмъ, который хотѣлъ бы изъ-за философії забыть жизнъ! Не тому учитъ Гегель, онъ учитъ даже прямо противному. Не забудьте, что мышленіе и бытіе не только дѣйствительно тождественны, но и дѣйствительно различны; что вѣщество и духъ, тѣло и душа, философія и жизнь не только на самомъ дѣлѣ отождествляются, сливаются во едино, но и на самомъ дѣлѣ различаются, раздѣляются, какъ возможно шире. Слѣдовательно, вспомните, что вы на самомъ дѣлѣ живете, что вы существуете такъ, что лучше, полнѣе, крѣпче и невозможно существовать; вспомните, что философія не

можетъ сдѣлать васть чистымъ понятіемъ, и перестаньте жаловаться на нее. Если бы философія составляла собою жизнь, то что за жалкая была бы жизнь! И обратно, если бы философія не становилась выше жизни, не отходила бы отъ нея, то что за жалкая была бы философія! Думаю, что такого рода реализмъ лежитъ въ самой сущности системы Гегеля; она не только есть абсолютный идеализмъ, она есть и абсолютный реализмъ.

Въ противоположность къ ней, крайними идеалистами являются тѣ, которые ищутъ реального не въ жизни, а за нею, которые отвергаютъ жизнь и признаютъ существеннымъ что-то другое.

Сюда принадлежать ново-шеллингіанцы; сюда относятся И. Киреевскій, А. Хомяковъ и другие дѣйствительные знатоки и любители мудрости на святой Руси. Они-то именно стараются отыскать реальное за предѣлами жизни, за предѣлами мышленія.

Остановлюсь здѣсь на прекрасной статьѣ А. Хомякова «О современныхъ явленіяхъ въ области философіи» (Русск. Бес. 1859. I.). Существенное содержаніе ея конечно состоить въ осужденіи Гегеля. Г. Хомяковъ, показываетъ, какъ система его, по своему несовершенству, должна была переродиться въ новый нѣмецкій материализмъ. (Почему это всѣ называютъ его новымъ? Чѣмъ въ немъ новаго?). Такъ что, указывая на недостаточность Гегелевой системы, онъ подтверждаетъ эту недостаточность явленіемъ этого материализма. Материализмъ же есть явное заблужденіе и, слѣдовательно, вся вина его ложится на Гегеля.

Главныя черты доказательства слѣдующія. Существуетъ субстратъ, основа, почва для мышленія, слѣдовательно, нѣчто темное, непроницаемое мышленіемъ. Гегель не хотѣлъ признать его; онъ считалъ мышленіе, такъ сказать, совершенно прозрачнымъ. Между тѣмъ, безъ этого субстрата ничего нельзя построить; поэтому самъ Гегель по необходимости ввелъ его въ систему, но тайкомъ, не признавая и отрицая его; а послѣдователи Гегеля, не видя субстрата и чувствуя въ немъ нужду, подставили на его мѣсто—вещество.

Невѣроятная исторія! Самъ А. Хомяковъ замѣчаетъ, что отъ Гегелевой системы «далеконѣко до материализма», и

можно рѣшительно сказать, что никогда и никакимъ образомъ отъ нея невозможно послѣдовательно перейти въ материализмъ. Для этого нужно вовсе забыть Гегелеву философию, забыть вообще философию, или, по крайней мѣрѣ, смотрѣть на нее какъ на бредъ горячки, отъ которого вы, наконецъ, очнулись и пришли въ здравый разумъ. Развѣ это можно назвать выводомъ, переходомъ изъ гегельянства?

Не думаю, чтобы можно было доказать, что Фейербахъ впалъ въ материализмъ по чувству недостающаго субстрата. Но вотъ что мнѣ кажется вполнѣ яснымъ: во первыхъ, тѣ, что Фейербахъ не есть материалистъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и, во вторыхъ, тѣ, что новый нѣмецкій материализмъ есть совершенно старый, самый старый изъ всѣхъ материализмовъ, именно материализмъ врачей и натуралистовъ,—слѣдовательно, не имѣетъ никакого отношенія къ Гегелевой системѣ.

Нужно, въ самомъ дѣлѣ, различать между истиннымъ материализмомъ и тѣмъ, что только похоже на материализмъ. Представьте, напримѣръ, гегельянца, который сталъ бы говорить, подлаживаясь къ мнѣніямъ материалистовъ; развѣ не было бы каждое его положеніе совершеннаю ложью противъ самого себя? Развѣ можно бы было повѣрить, что онъ говоритъ искренно?

Что касается до Фейербаха, то онъ, очевидно, не материалистъ, несмотря на все его стараніе, несмотря на всѣ усилия стать материалистомъ. Дѣло невозможное! Материалистомъ онъ вздумалъ сдѣлаться для того, чтобы признать точныя науки, чтобы превознести натуральную исторію въ ущербъ и посрамленіе философіи. Но какой же онъ материалистъ! Онъ говоритъ: *матерія*, а понимаетъ подъ этимъ—чувство, любовь, душу. «Мы осязаемъ», пишетъ онъ, «не только камень и дерево, не только тѣло и кости, мы осязаемъ (чувствуемъ) также чувство, когда жмемъ руку, или губы чувствующаго существа; мы воспринимаемъ ушами не только журчанье воды и шопотъ листвьевъ, но также задушевный голосъ любви и мудрости; мы видимъ не только отражающія поверхности и цвѣтные спектры, мы глядимъ также во взоръ человѣка. Слѣдовательно, предметъ чувства составляеть не

только външнее, но и внутреннее, не только тѣло, но и духъ, не только вещь, но и наше я».

Выражать такимъ образомъ признаніе материализма не значитъ ли прямо отрицать материализмъ? У настоящаго материалиста чувство происходитъ въ нервахъ, въ мозгу, и есть вещественный процессъ; а Фейербахъ, очевидно, хочетъ превратить самые вещественные процессы въ духовные; ему кажется, что дрожанія воздуха, составляющія звукъ, сами полны любви и мудрости.

Какъ бы то ни было, Фейербахъ не есть материалистъ въ томъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, материалисты Карль Фохтъ или Бюхнеръ. Совершенно также ясно и то, что материализмъ Карла Фохта и Бюхнера, и даже третьаго триумвира, Молешотта, произошелъ совершенно независимо отъ Фейербаха. Молешотъ ссылается на Фейербаха, но только для того, чтобы показать, что его ученіе можетъ опереться на философію, что оно согласно съ послѣднимъ выводомъ философіи, но не потому, чтобы оно вытекало изъ философіи и основывалось на ней. Оно вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ изслѣдований естественныхъ наукъ и основывается на простомъ здравомъ смыслѣ.

Итакъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать на Гегелеву философію упрекъ, что изъ нея произошелъ материализмъ.

Но что же такое самъ Фейербахъ, этотъ духовный материалистъ, философскій противникъ философіи, фанатическій противникъ фанатизма? Во первыхъ, Фейербахъ, этотъ соблазнъ, эта загадка умственного міра, есть гегеліанецъ, есть умъ, вполня проникнутый гегеліанствомъ. Вы легко узнаете это по тому высокому совершенству, съ которымъ онъ владѣетъ діалектикой; онъ весь—діалектика. Пріемы, формы, слова—все въ немъ гегеліянское.

Во вторыхъ, все содержаніе его сочиненій есть не что иное, какъ развитіе Гегелевыхъ же положеній. Критики не разъ указывали ему на это. Какъ напрасно онъ старался стать материалистомъ, такъ напрасно старался и стать какъ-нибудь противъ Гегеля. Все, что ни говоритъ Фейербахъ, можно признать за вѣрное, за согласное съ философіею, исключая только немногія явныя отступленія, которыхъ зато и

совершаются съ поразительною грубостью. Вообще, какъ ни силится онъ выйти изъ заколдованного круга Гегелевой мысли, онъ неизбѣжно возвращается въ него.

Но мышленіе Фейербаха имѣетъ яркія особенности. Все, что онъ ни говоритъ, вѣрно, но односторонне вѣрно. Онъ видитъ и рисуетъ предъ вами не весь предметъ, а только одну его сторону. Извѣстно, что ни одинъ изъ мыслителей столько не избѣгалъ односторонности, какъ Гегель. Это есть существенная черта самой системы. Невозможно найти умственного наслажденія выше чтенія Гегеля; вы чувствуете, что мысль захватываетъ предметъ цѣликомъ, что ничего не остается сзади, ни по бокамъ. Иначе поступаетъ Фейербахъ. Обыкновенный приемъ его состоитъ въ томъ, что онъ борется за одну категорію противъ другой, противоположной. Его сочиненія представляютъ поэтому жаркую, непрерывную полемику.

Заключеній, опредѣленій, общаго взгляда у него нѣть; нѣть никакого признака системы, цѣлаго. Въ каждомъ новомъ сочиненіи—Фейербаху нѣть никакого дѣла до того, чтобы онъ сказалъ въ прежнихъ сочиненіяхъ; поэтому онъ впадаетъ въ противорѣчія, и сказать, въ чёмъ состоить *его система*, рѣшительно невозможно.

При всемъ томъ, Фейербахъ пишетъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ, блестательно-живописно; это не софистъ, а вдохновленный пророкъ, слова котораго вытекаютъ прямо изъ сердца. Что же такое Фейербахъ? Явленіе этого апостата философіи было до такой степени странно, что нѣкоторые, напр. Кунь Фишеръ, считаютъ его патологическимъ явленіемъ. «Фейербахъ», говорить онъ, «есть самостоятельный характеръ, который, будучи сознательно и страстно одушевленъ стремлениемъ къ истинѣ, сообразной съ природою, возмутился противъ всѣхъ ложныхъ и противоестественныхъ отвлеченій. Но патологический ходъ характера ведетъ наконецъ къ пренебреженію логической мысли, потому что онъ не обуздывается трезвымъ изслѣдованиемъ, но бурно стремится впередъ, пока не достигнетъ крайнихъ границъ».

То, что прежде я сказалъ, совершенно согласно съ этимъ уважительнымъ и строгимъ отзывомъ. Но, если не увлекаться съ Фейербахомъ въ его крайности, то можно даже смот-

рѣть на него не только съ уваженiemъ, но и съ радостю; онъ не философъ, а скорѣе поэтъ, увлекающейся и односторонній, но тѣмъ не менѣе глубокій и исполненный жизни. Пріятно видѣть, что эта жизнь, это страстное стремленіе къ живой, къ прямой истинѣ не только согласны въ сущности съ философией Гегеля, но и порождены ею, и развились подъ ея вліяніемъ. Для поясненія системы Гегеля Фейербахъ будетъ всегда полезенъ, и его явленіе было необходимо, какъ противодѣйствіе многимъ заблужденіямъ, выдавшимъ себя за выводы изъ Гегелевой системы.

Вырваться изъ волшебного круга Гегелевой логики невозможно; какъ путникъ, котораго обошелъ лѣшій, напрасно старается выйти изъ лѣса и съ ужасомъ видитъ, что, куда бы онъ ни пошелъ, онъ снова возвращается на то же мѣсто; такъ съ ужасомъ боятся иные въ лѣсу категорій, какъ въ страшномъ, пустомъ мѣстѣ. Имъ хочется вырваться изъ него, потому что жизнь, свѣтъ, блаженство совершаются гдѣ-то тамъ, за предѣлами разума, тогда какъ здѣсь все сухо и холдно. Такимъ чувствомъ, мнѣ кажется, отзывается пламенная, отчаянная борьба Фейербаха.

Что отвѣтить имъ на это? Какое оправданіе себѣ дастъ разумъ? Если логика вамъ кажется пустымъ пузыремъ, то, должно быть, она на самомъ дѣлѣ пустой пузырь; ибо иначе она никакъ не существуетъ, какъ такъ, какъ вамъ кажется. Слѣдовательно, жизнь, свѣтъ, теплота существуютъ за предѣлами логики, и если вы когда-нибудь находили въ разумѣ хотя частицу жизни, свѣта и теплоты, то и самый разумъ, съ вашей точки зрѣнія, будетъ находиться за предѣлами логики. Но согласитесь, что съ этой точки зрѣнія разумъ уже не можетъ самъ смотрѣть на себя же, что, когда онъ начнетъ дѣйствовать, то долженъ войти въ свои предѣлы.

Возраженія, которыя дѣлали и дѣлаютъ противъ Гегелевой системы, именно потому не имѣютъ никакой силы, что неизвѣстно, на чёмъ они основываются. Гегель раскрылъ философскую методу, ту методу, при которой, съ полной ясностью, съ совершеннымъ самосознаніемъ, можетъ дѣйствовать мышленіе. Если мышленіе дѣйствуетъ съ полнымъ самосознаніемъ, то его положенія совершенно вѣрны, и нельзя сказать: а можетъ быть есть что-нибудь, показывающее ихъ не-

вѣрность? Нельзя этого сказать, потому что тогда нужно было предположить, что мышленіе сдѣлало положеніе, котораго не имѣло право дѣлать, что оно сдѣлало положеніе, тогда какъ нужно было оставаться въ сомнѣніи. Поэтому, опроверженіе Гегелевыхъ положеній можетъ быть сдѣлано только изъ Гегелевой же методы, т. е. можно отвергнуть частное какое-нибудь положеніе, только признавая вѣрными существенные черты методы—и системы. Поэтому, очень легко разрушаются всѣ возраженія антигегеліянцевъ, если только изслѣдоватъ, на какой почвѣ они стоять, какъ ведется самое доказательство, словомъ, если изслѣдоватъ ихъ *методу*.

Одни изъ первыхъ противниковъ Гегеля суть новошеллингіанцы. Они особенно важны для насъ, потому что, кажется, пріобрѣли у насъ многихъ послѣдователей, именно изъ числа славянофиловъ,—название, которому нельзя не придавать почетнаго значенія. Я попробую разобрать одно изъ возраженій, указываемыхъ приверженцемъ новой системы Шеллинга, Халибеусомъ. Онъ говоритъ о системѣ Гегеля:

«Это есть система абсолютной дѣятельности, динамизма, движенія безъ движущагося, жизни безъ живущаго, бытія безъ существующаго».

«Говорю—бытія безъ существующаго, потому что, кажется, именно это слово *быть* виновато въ недоразумѣніи, такъ какъ это слово заключаетъ и скрываетъ въ себѣ это недоразумѣніе».

«*Быть*, какъ глаголь, вовсе не выражаетъ того, о чёмъ здѣсь мыслятся, а выражаетъ только состояніе, способъ и манеру (*die Art und Weise*) этого мыслимаго. Это есть полаганіе его, состояніе его, какъ положеннаго (*Hingestelltsein*), или скорѣе присутствіе его въ дѣятельности, или также въ сознаніи. Именно поэтому, одна партія могла сказать: бытія не бѣть, оно само по себѣ—ничто, а есть *то*, что имѣеть бытіе, то, о чёмъ говорится, что *оно есть*».

Повидимому, это очень основательно; но развѣ все это не есть чистое повтореніе Гегелевой діалектики? Развѣ Гегель не утверждаетъ, что бытіе и ничто тождественны?

Здѣсь, очевидно, другой умыселъ. Вы говорите, что нѣ-что существуетъ и полагаете, конечно, что этимъ вы выражаете нѣкоторое познаніе относительно этого существующаго.

Шеллингіанецъ же говоритьъ вамъ: нѣть, вы ничего не узнали, существующее осталось цѣликомъ, не тронутымъ, какъ оно есть. Ваше бытіе, которое вы мыслите, совсѣмъ не то, что бытіе, которое дѣйствительно имѣеть предметъ. Вашего бытія нѣть, а то бытіе, которое дѣйствительно имѣеть предметъ, то бытіе есть; потому что онъ дѣйствительно существуетъ, тогда какъ въ вашей мысли онъ только мыслится существующимъ.

Теперь уже легко видно, куда все это ведетъ. Чѣмъ вы ни мыслили о предметѣ, я могу сказать вамъ, подражая Халибеусу: то, чѣмъ вы мыслите, этого нѣть, это только одна мысль; въ дѣйствительности же существуетъ только то, о чѣмъ вы мыслите, вещь сама по себѣ. Эта вещь сама въ себѣ остается цѣликомъ, не тронутою, сколько бы вы о ней ни мыслили.

Но вѣдь это—чистый кантіанизмъ! Неужели же Гегель боролся съ нимъ понапрасну? Можно-ли было ожидать такого странного непониманія! *Бытие* есть первое слово Гегелевої логики именно потому, что нѣть никакой возможности различить мыслимое бытіе отъ бытія дѣйствительного, что если въ чѣмъ другомъ, такъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ, нельзя сомнѣваться; именно, что, приписывая предметамъ бытіе, мы приписываемъ имъ не что-нибудь воображаемое, не что-нибудь такое, чего вообще, можетъ быть, и вовсе нѣть, а то, что дѣйствительно есть. Мысля бытіе вообще, мы, *внѣ всякаго сомнѣнія, безъ всякой возможности ошибки*, мыслимъ нѣчто дѣйствительное, такъ что здѣсь мысль, и то, что не есть мысль (т. е. бытіе), совпадаютъ, тожественны. Такимъ образомъ, вместо того, чтобы пойти дальше Гегеля, Шеллингъ воротился назадъ и упорно держится категорій, уже поглощенныхъ діалектикою.

То же самое должно сказать и о другихъ противникахъ Гегеля. Это замѣчаніе, — что они попадаютъ на мысли, уже давно поставленные на надлежащее мѣсто Гегелемъ,—не разъ приходилось высказывать и гегеліанцамъ, и самимъ противникамъ ихъ. Видя вокругъ себя сокрупленный строй категорій и не находя выхода, антигегеліанцы не рѣдко прибѣгаютъ къ отчаяннымъ средствамъ: они убиваютъ въ себѣ философію, какъ сдѣлалъ Фейербахъ, или стараются обойтись

какъ-нибудь полегче, напр., говорять: мнѣ не нравится философія Гегеля, она меня не удовлетворяетъ, она мнѣ антипатична. Въ такомъ случаѣ, очевидно, выражается уже не мысль, которую бы можно опровергнуть, развивая ее далѣе, а простое чувство, съ которымъ сладить труднѣе. Люди такъ различны, они живутъ подъ столь разнообразными вліяніями, что нисколько не мудрено встрѣтить въ нихъ антипатію къ суровому и строгому мышленію. Въ людяхъ мысль — объективируется, и потому они не хотятъ ея видѣть самой въ себѣ.

Укажу здѣсь еще на нѣкоторыя мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ Гегеля. Не имѣя въ виду полноты даже самаго краткаго обзора, не могу однакоже не упомянуть здѣсь о столь важныхъ трудахъ, какъ сочиненія В. Н. Карпова. Г. Карповъ стоить въ нашей литературѣ совершенно отдельно. Сочиненія его — *Введеніе въ философію* и *Систематическое изложеніе логики* принадлежать къ числу самостоятельныхъ и вполнѣ философскихъ сочиненій. Они представляютъ нѣкоторыя черты *особенной* философской системы, принадлежащей автору. Преимущественно она высказана въ «Логикѣ», которая собственно разрѣшаетъ задачу — какъ происходит и въ чёмъ состоить *познаніе*; въ ней, такъ сказать, разбирается механизмъ мышленія. Не разматривая здѣсь всего взгляда г. Карпова, что повело бы насъ слишкомъ далеко, замѣчу, что и онъ принадлежитъ къ числу противниковъ немецкой философіи вообще и Гегеля въ особенности. По свойствамъ Гегелевской системы, можно заранѣе предполагать, что система г. Карпова не будетъ ей противорѣчить въ сущности. Противорѣчіе можетъ обнаружиться только въ частностяхъ; въ тѣхъ случаяхъ, где оно замѣтно, трудно быть на сторонѣ г. Карпова. Такъ, напримѣръ, объясняя происхожденіе познаній, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (*Логика*, стр. 80): «Человѣческое мышленіе, сколь бы далеко и широко ни развивалось, оно по инстанціямъ познаній никогда не слѣдается формою безформенныхъ мыслей Божіихъ, или истины, проявившейся въ полномъ и гармоническомъ составѣ міра».

Мысль совершенно антигегеліанская. По Гегелю форма мышленія существенно свойственна мышленію, и потому со-

ставляетъ форму самой истины. Внѣ мышленія нельзя искать ни мыслей, ни истины. мнѣ кажется ясно, что Гегель правъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы такъ хорошо видите, *въ чёмъ* стоитъ несовершенство человѣческаго мышленія, и знаете о «безформенныхъ мысляхъ» и объ «истинѣ», то кто же вамъ мѣшаетъ исправить мышление и мыслить безформенно и согласно съ истиной? Вы, вѣдь, можете сравнить мышление съ истиной, потому что знаете и то, и другое. Даже самое ваше разсужденіе есть не что иное, какъ такое сравненіе. По смыслу его, оно должно быть абсолютно истинно; вы сами вышли за предѣлы мышленія, когда вздумали посмотретьъ на него со стороны и сравнить его съ безформенными мыслями; ваша мысль сама есть безформенная мысль, сама представляетъ истину. Въ самомъ дѣлѣ, отрицать форму человѣческаго мышленія уже нельзя посредствомъ самой же этой формы. Мыслить о безформенныхъ мысляхъ нельзя посредствомъ мыслей, имѣющихъ форму. Мысль о безформенной мысли, очевидно, сама есть безформенная мысль.

Итакъ, г. Карповъ напрасно отрицаетъ то, что человѣческое мышление можетъ сдѣлаться формою истины, напрасно отрицаetъ абсолютность мышленія. Мышление развивается само изъ себя, само себя творитъ; оно всегда можетъ стать такимъ, какимъ захочеть быть; если мышление пойметъ, чего оно само отъ себя хочетъ, то вмѣстѣ съ этимъ оно и достигнетъ уже своей цѣли. Мышленію нѣть предѣловъ, точно такъ, какъ нѣть предѣловъ пространству. Представьте, что пространство гдѣ-нибудь кончается; вы тотчасъ мысленно заглядываете за эту границу и видите, что пространство идетъ и за нее. Точно такъ—положите, что есть предѣлъ мышленію и вы тотчасъ же, невольно, неудержимо, начинаете мыслить *о томъ, что лежитъ за этимъ предѣломъ*. Самый предѣлъ есть нѣчто мыслимое и, слѣдовательно, не онъ ограничиваетъ мышление, а мышление обхватываетъ, заключаетъ его въ себѣ.

Я только упоминаю здѣсь о взглядахъ г. Карпова и вовсе не предлагаю сужденія о нихъ. Какъ я замѣтилъ, труды его стоятъ у насъ совершенно одиноко, и никто, сколько известно, не обратилъ на нихъ строгаго и серьезнаго вниманія. Фило-

софскихъ сочиненій у насть вовсе нѣтъ; какъ на единственный примѣръ указываютъ на «Энциклопедію Законовъдѣнія» Неволина, печально-одинокую въ пустынѣ нашей литературы. Между тѣмъ, *Логика* Карпова у насть должна совершить переворотъ; это уже не тѣ учебники логики и психологіи, въ которыхъ не было и намека на философское мышленіе. Въ ней мы получили истинно философскую книгу.

Остановлюсь теперь на томъ возраженіи, которое часто выставляли, какъ самое существенное противъ Гегеля. Говорили, что его философія убиваетъ дѣятельность, разрушаетъ живую силу воли. Жаловались на то, что, вслѣдствіе философіи, германское юношество дѣйствовало не такъ, какъ слѣдовало бы. Причину такого равнодушія и бездѣйствія находили въ томъ, что философія Гегеля все оправдываетъ. Дѣйствительно, какъ ни разнообразны земные народы, какая бы кутерьма и путаница ни происходила на земномъ шарѣ, философія Гегеля признаетъ необходимость каждого явленія во всемъ этомъ, а, признавая необходимость, вмѣстѣ полагаетъ, что все эти явленія принадлежать къ движению человѣческаго духа, слѣдовательно, ведутъ впередъ и хороши каждое на свое мѣсто. Такой индифферентизмъ для многихъ кажется совершенно безнравственнымъ. Гегеля сильно упрекаютъ, напримѣръ, въ томъ, что онъ давалъ разумный смыслъ протестантству и устройству прусского государства, что онъ истолковывалъ этотъ смыслъ своимъ слушателямъ. Обвиняютъ, какъ-будто бы, въ самомъ дѣлѣ, ни протестантство, ни прусское государство не имѣютъ никакого смысла. Отъ него непремѣнно хотятъ, чтобы онъ, сидя на своей профессорской каѳедрѣ, не объяснялъ слушателямъ исторію, а самъ бы ее дѣлалъ, самъ бы управлялъ судьбами міра.

Между тѣмъ, замѣтимъ, что Гегель сдѣлалъ свое дѣло. Послѣ разумныхъ его объясненій, повидимому совершенно мирныхъ, развѣ не вышло того, что и протестантство возмутилось противъ Гегелевой системы, и прусское государство было ею недовольно и, призвавши Шеллинга, поручило ему уничтожить, убить на смерть эту систему, такъ разумно объяснявшую прусскую монархію.

Разумный индифферентизмъ Гегелевой системы понимается какъ-то превратно. Развѣ индифферентизмъ вообще возможенъ? Развѣ есть люди вполнѣ индифферентны? Пока вы размышляете, сидите за книгой, или за перомъ, вы можете конечно объяснять весьма хладнокровно и безстрастно необходимость и рациональность всякого рода зла въ мірѣ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что вы не должны, не имѣете права терзаться при *одной мысли* о злѣ; вы не имѣете права поступать подобно нѣкоторымъ людямъ, которые, припоминая вдругъ зло, которое существуетъ въ разныхъ точкахъ земного шара, не знаютъ, что дѣлать отъ тоски и постоянно убиваются и страдаютъ. Не есть ли это пустое и напрасное крушеніе духа? Не есть ли это безполезнѣйшее и неразумнѣйшее занятіе? Зло существуетъ, въ этомъ нѣть сомнѣнія. Но, вѣдь, не можете же вы ратовать противъ зла *вообще*? Вы не можете даже и вознегодовать на зло *вообще*; для этого вамъ необходимо припомнить разное зло, которое вы знаете, нужно даже представить себѣ картины этого зла со всею подробностью, какъ это дѣлается, напр., въ романахъ; словомъ, чтобы негодовать, вамъ нужно нѣкоторое *определенное* зло, а не зло вообще. Наконецъ, когда дѣло дойдетъ до жизни, когда передъ вами сидитъ, говорить и дѣйствуетъ злой человѣкъ, тогда только вы имѣете возможность ненавидѣть, тогда вы имѣете и возможность противодѣйствовать злу. Тутъ индифферентизмъ невозможенъ и странно вообразить, чтобы его проповѣдывала философія Гегеля. Какъ не понять того, что мысль сама по себѣ всегда индифферентна, но чувство и дѣятельность не могутъ быть безразличны, должны всегда опредѣлиться самою дѣйствительностью?

Недавно еще одинъ англичанинъ написалъ книгу о *боли*, въ которой доказывалъ, что способность ощущать боль весьма важна и полезна. Онъ приводилъ, напр., что если не больно было бы рѣзать себѣ тѣло, то мальчики, которые такъ охотно рѣжутъ столы и скамьи въ классахъ, навѣрное обстругали бы себѣ пальцы и вырѣзали бы разныя фигуры у себя на тѣлѣ. Понятно, что пока авторъ разсуждалъ о пользѣ боли, ему самому было нисколько не больно. Но если бы онъ какъ-нибудь переломилъ себѣ ногу, ужели бы кто-нибудь могъ бы

сказать ему: пожалуйста, не стоните и не жалуйтесь; вѣдь, вы сами доказали, что боль полезна. Ужели бы кто могъ сказать: я не стану помогать вамъ, вѣдь вы доказали необходимость и пользу боли!

Итакъ, можетъ-ли философія какъ-нибудь препятствовать дѣятельности? Само собою разумѣется, что нѣтъ. Изъ нея можно извлечь только одно правило: всякая полезная и нравственная дѣятельность должна быть дѣйствительная, конкретная. Нравственные сентенціи и любовь къ цѣлому человѣчеству ничего не значать безъ дѣйствительной нравственности, безъ живой, конкретной любви. Всіхъ нужно любить, но не всѣхъ вмѣстѣ, а каждого въ дѣйствительности встрѣчающагося человѣка.

Другое дѣло, если жалуются на то, что энергія мышленія ослабляетъ энергию воли. Но и въ этомъ справедливомъ упрекѣ есть очевидная односторонность. Какъ-будто энергія мышленія есть что-то не дѣйствительное, что-то пустое и ни къ чему не ведущее. Само собою разумѣется, что, пока вы сидите за философскою книгою, вы не успѣете ни сварить себѣ обѣда, ни спить себѣ сапогъ; да что же изъ этого? Рассказываютъ, что Эйлеру, величайшему изъ всѣхъ существовавшихъ математиковъ, поручили устроить какие-то водопроводы. Онъ всѣмъ распоряжался и устроилъ ихъ такъ, что когда они были кончены, то вода не пошла. Но ужели же можно было бы упрекать Эйлера его математическими открытиями и жалѣть о томъ, что онъ съ дѣтства не пріучалъ себя къ практической жизни?

Гегеля самого упрекаютъ въ недостаткѣ патріотизма—знаменитый упрекъ, которымъ старались также посрамить и совершенійшаго изъ смертныхъ—Гёте. Замѣтьте, что упреки этого рода бываютъ всегда отрицательные; упрекаютъ обыкновенно такъ: отчего онъ этого не сдѣлалъ? Отчего того-то не сдѣлалъ? и такъ далѣе. Но почему же вы непременно къ нему пристаете, а не требуете этого отъ другихъ? Потому, отвѣчаютъ, что онъ *могъ* это сдѣлать; онъ имѣлъ для этого силу. Но въ томъ-то и дѣло, что едва-ли справедливо такое предположеніе, что его нужно бы доказать, а не выставлять, какъ что-то несомнѣнное. Едва-ли они *могли* это сдѣлать. Имѣть возможность сдѣлать что-нибудь великое для блага

родины и нарочно, добровольно отказаться отъ такихъ дѣйствій—нельзя предположить подобного явленія у такихъ людей, какъ Гегель и Гёте. Тѣ, къ чему ихъ стремила внутренняя сила души, тѣ, для чего они дѣйствительно имѣли силу, они дѣлали всю жизнь свою.

Гегеля, между прочимъ, упрекаютъ въ томъ, что онъ восхищался Наполеономъ въ *то самое время*, когда тотъ покорялъ Германію. Вотъ тутъ уже рѣшительно можно сказать, что Гегель *не могъ* угодить патріотамъ, не могъ смотрѣть на Наполеона иначе. Не могъ онъ быть ослѣпленнымъ или отуманеннымъ, не въ его натурѣ было мѣнять свои взгляды, смотря по тому, съ кѣмъ воюетъ Наполеонъ, съ турками, или съ нѣмцами. Поэтому никто изъ высокоодаренныхъ друзей Гегеля и не упрекалъ его въ недостаткѣ патріотизма, когда онъ сообщалъ имъ свои мысли. Кто-то, и едва-ли не Шеллингъ, былъ даже пораженъ этимъ, какъ великою чертою. «Этотъ Гегель», выразился онъ, «есть такой совершенный образчикъ трезвой прозы, что другого подобного не найти въ нашъ вѣкѣ». Упрекать же Гегеля въ непатріотизмѣ сталъ Гаймъ въ своей книгѣ—*Гегель и его время* (1857).

Съ этою книгою случилась забавная исторія, которая ясно показываетъ, къ чему ведетъ извѣстнаго рода патріотизмъ. Гаймъ щедро разсыпалъ въ ней намеки и упреки въ отношеніи къ недостатку патріотизма у Гегеля. Кромѣ того, онъ нападаетъ на Гегеля во всевозможныхъ отношеніяхъ, стараясь подорвать всѣ его права и заслуги. Но что же вышло? Розенкранцъ, стараясь защитить Гегеля, доходитъ наконецъ до того, что начинаетъ упрекать самого Гайма въ недостаткѣ патріотизма. «Что будетъ», восклицаетъ онъ, «съ нашою націею, если только легкомысленныя нападенія на великаго и благороднаго человѣка будуть считаться образцовымъ произведеніемъ исторической критики? Ужели съ Гегелемъ будетъ то же, что съ Гёте, котораго многие между нами также знать не хотѣли, а теперь, когда англичанинъ Льюисъ (Lewes) призналъ его, стали считать великимъ германцемъ? Тотъ же англичанинъ уже писалъ и о Гегелѣ въ своей *Biographical history of philosophy IV*, 197—220; по его совѣту даже философія исторіи Гегеля переведена на англійскій языкъ. Можетъ быть, онъ напишетъ и цѣлую книгу о Гегелѣ, полную

такого же воодушевленія, какъ книга о Гёте. Тогда прійдуть нѣмцы и повѣрять въ Гегеля. Тогда и Dr. Гаймъ прійдетъ и повѣритъ » *).

Не забавно-ли, что Гайму досталось его же оружіемъ? Вотъ, какъ удобно смотрѣть на вещи съ точки зрењія патріотизма! Впрочемъ, нѣмецкій патріотизмъ такъ хорошо у насъ извѣстенъ, особенно по случаю послѣдней войны, что излишне было бы воевать противъ него.

Скажемъ лучше вообще о книгѣ Гайма, такъ какъ обѣ ней знаютъ и у насъ. Если рассматривать ее даже съ точки зрењія истины, а не нѣмецкаго патріотизма, то и тогда можно ею довольно сильно обидѣться. Правда, она представляетъ книгу умную, добросовѣстную, хорошо написанную, но въ ней есть одинъ недостатокъ, который все портитъ: она — *не философская* книга, а между тѣмъ говоритъ о философіи. Понятно поэтому, что изъ нея ничего не можетъ выйти. Въ самомъ дѣлѣ, писать исторію Гегеля — значить писать исторію философіи, разматривать одинъ изъ отдѣловъ этой исторіи. Но исторія философіи есть философская наука, и величайший мастеръ въ этой наукѣ самъ Гегель. Слѣдовательно, писать о Гегелѣ можно — или въ духѣ самого Гегеля, или какъ-нибудь иначе. Если писать въ духѣ самого Гегеля, то это значитъ — принимать его философію и развивать ее изъ его же начала. Если же писать иначе, то это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ создать новую философскую систему. Въ самомъ дѣлѣ, тогда нужно имѣть нѣкоторую другую твердую точку опоры, другой взглядъ на міръ, взглядъ ясный, полный и отчетливый.

Если бы книга Гайма была истинно философская, то онъ прямо долженъ былъ бы высказать свои убѣжденія относительно философіи вообще и исторіи философіи въ особенности. Онъ этого не сдѣжалъ. Если бы, судя по Гегелѣ, Гаймъ поступалъ по философски, то онъ разматривалъ бы его систему, какъ нѣчто единое, цѣлое, потому что цѣлость, связь частей и составляютъ самую сущность философскихъ стремленій. Слѣдовательно, если бы, осуждая систему Гегеля, Гаймъ

*.) *Apologie Hegels gegen Dr. Naum, Berl. 1858.*

поступалъ по философски, то онъ осуждалъ бы ее какъ цѣлое, слѣдоватально, въ глубочайшихъ ея основаніяхъ, во внутреннѣйшей ея жизни. Въ такомъ случаѣ, осужденіе было бы выходомъ изъ системы Гегеля, потому что и самое осужденіе было бы цѣлостное, связное, твердое,—словомъ, было бы новою философскою системою. Но какъ же поступилъ Гаймъ? Вы видѣли образчикъ этого въ предыдущемъ. Онъ опирался напр. на нѣмецкій патріотизмъ; другія его точки опоры заслуживаютъ столь же мало почтенія. Въ такихъ случаяхъ бросаются, куда ни попало—ссылаются на здравый смыслъ, на исторію, на национальное чувство, на либеральныя убѣжденія и т. д. Восклицаютъ иногда такъ: ужели сердце каждого не возмущается противъ такого-то положенія!

Гаймъ писалъ, впрочемъ, по очень обыкновенной, хотя и очень дурной исторической методѣ. Она состоитъ въ томъ, чтобы отыскивать причины событий; и собственно онъ разрѣшалъ вопросъ, какія причины произвели то, что Гегель думалъ такъ, а не иначе. Разумѣется, всякая мысль подвергается глубочайшему униженію, какъ скоро ясно, что она есть произведеніе обстоятельствъ, что въ ней нѣтъ ничего самобытнаго. Но стыдъ здѣсь падаетъ прямо на критику, которая такъ разсматриваетъ философію, а вовсе не на самую философію, въ которой подобные приемы примѣнимы менѣше, чѣмъ къ чему-нибудь другому. Отыскиваніе причинъ ведетъ иногда къ удивительнымъ вещамъ. Отчего произошли Крестовые походы? Отъ проповѣдей Петра Пустынника. А отчего произошли воодушевленіе и энергія Петра Пустынника? Отъ того, что онъ былъ эпилептикъ.

Позвольте еще примѣръ. Вследствіе чего тогда-то была освобождена Франція? Вследствія дѣйствій Іоанны д'Аркъ. А вслѣдствіе чего такъ дѣйствовала Іоанна? У нея была разстроена нервная система; самое же разстройство происходило отъ отсутствія менструаціи. Для многихъ подобная объясненія кажутся удивительно ясными, хотя, въ сущности дѣла, они непроходимо темны. Этихъ примѣровъ я не выдумалъ; они мнѣ попадались печатные. Подобнымъ образомъ старается объяснить Гегеля и Dr. Гаймъ. Это называется критикою, анализомъ. И самъ Гегель, и его система, вслѣдствіе этого, является чѣмъ-то составнымъ, какимъ-то налѣ-

вомъ и сбродомъ разныхъ вліяній. Гегель читалъ такія-то книжки, водился съ такими-то людьми, занимался такою-то работою, и потому у него являлись такія-то и такія-то убѣжденія. Конечно все это можетъ быть справедливо; неизбѣжно на Гегель отразились всѣ вліянія, которыми онъ былъ окруженнъ; но Dr. Гаймъ забываетъ, что существенное въ философіи Гегеля именно то, что только *носить на себѣ* печать этихъ вліяній, а не самая эта печать. Существенно въ ней то, что не зависитъ отъ обстоятельствъ; а то, что видимо произведено обстоятельствами, именно всего маловажнѣе, и то всячески стремится сбросить съ себя философія Гегеля. Въ этомъ состоить даже ея главное и внутреннѣйшее свойство.

Оканчивая мою статью, приведу здѣсь еще одинъ доводъ въ пользу философіи Гегеля; доводъ, который сохранить свою силу, даже въ томъ случаѣ, если бы кто имѣлъ другой взглядъ на Гегеля, а не тотъ, который изложенъ выше. Этотъ доводъ состоить въ томъ, что изучать философію Гегеля чрезвычайно полезно для наукъ, для специалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія. И въ этомъ отношеніи философія Гегеля удовлетворяетъ законнымъ требованиямъ отъ философіи вообще. Философія, — центральная наука, наука по преимуществу, наука наукъ, — никогда еще со времени Аристотеля не выполняла этого понятія въ такой степени, какъ въ системѣ Гегеля.

Довольно трудно, вообще говоря, определить отношеніе между частными науками и философіею. Казалось бы, напримѣръ, что каждый, занимающійся частною наукою, долженъ быть знакомъ съ философіею, какъ съ общею наукою. Но такое требованіе, повидимому, совершенно правильное, невозможно выполнить на самомъ дѣлѣ. Слишкомъ трудно было бы заниматься науками, если бы для этого нужно было напередъ изучить философію. По этой самой причинѣ, каждая наука стремится стать независимо не только отъ философіи, но и вообще отъ другихъ наукъ. Науки дѣйствительно существуютъ каждая отдельно, самобытно; следовательно, съ другой стороны, нельзя не признать за ними права существовать такимъ образомъ. Нельзя требовать, чтобы они покорились философіи, потому что онѣ могутъ существовать

и безъ нея и, слѣдовательно, не послушаются такого распоряженія.

Между тѣмъ, собственно говоря, частныя науки не что иное, какъ части самой философіи. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что ихъ жизнь, ихъ глубочайшая основа лежитъ въ теоретическихъ потребностяхъ человѣка; не имѣй силы эти потребности, то, сколько бы ни твердили, что науки полезны, и сколько бы онъ пользы ни приносили на самомъ дѣлѣ, онъ никогда не развивались бы такъ пышно, какъ мы видимъ это теперь. Тѣ, что воодушевляютъ ученаго, что заставляетъ его пренебрегать всѣми выгодами, всѣми пользами, что увлекаетъ его въ непостижимо-огромные труды, есть именно сладострастіе мышленія, философское стремленіе къ постановкѣ и разрѣшенію вопросовъ. Разумѣется, ученость представляеть намъ всѣ возможныя степени пониженія этого философскаго стремленія, отъ глубочайшей думы до механическаго собиранія насѣкомыхъ, ихъ опредѣленія, расположенія въ ящикахъ и т. д. Но главное дѣло все-таки въ главномъ, то есть въ самыхъ высокихъ, а не въ самыхъ низкихъ ученыхъ стремленіяхъ.

Итакъ, каждую науку можно считать отдѣломъ философіи и слѣдовательно, и философія должна имѣть на нихъ вліяніе, и сами науки, при своей самостоятельности, должны имѣть вліяніе на философію. Такъ оно и есть. Науки иногда весьма презрительно посматриваютъ на философію и, гордясь своею самобытностію, какъ говорится, знать ничего не хотятъ о ней; а между тѣмъ философія обнаруживаетъ на нихъ свое неизбѣжное вліяніе, и они не замѣчаютъ его только потому, что на самомъ дѣлѣ не знакомы съ философіей. Философія иногда тоже горделиво обращается съ подчиненными ей науками, но на самомъ дѣлѣ она питается ихъ лучшими соками.

Это взаимное вліяніе, особенно вліяніе философіи на науки, происходитъ большою частію безсознательно; весьма хорошо было бы, если бы въ это дѣло вмѣшалось сознаніе и, слѣдовательно, подвинуло бы его впередъ. Философія Гегеля можетъ конечно обѣщать себѣ полное господство надъ науками. Рано или поздно ея начала будутъ ими приняты; желательно было бы, чтобы это было пораньше. Дѣло, какъ

вы видите, самое практическое и, следовательно, важное. Науки существуютъ, почему бы и для чего бы то ни было, но существуютъ действительно, не такъ какъ философія Гегеля, которую многие признаютъ падшою и, следовательно, несуществующею. Наукамъ, по той связи, о которой я сказалъ, обойтись вовсе безъ философіи невозможно; следовательно, какъ-нибудь да нужно дѣло сладить.

Укажу для ясности на одинъ изъ отблесковъ наукъ, болѣе мнѣ знакомый и который всего презрительнѣе относится къ философіи: это—науки естественные, науки о природѣ. Надобно правду сказать, что это самыя нефилософскія науки. Этотъ недостатокъ, который выражается ихъ презрѣніемъ къ философіи, обнаруживается нерѣдко и тѣмъ, что люди мыслящіе, въ которыхъ онъ не удовлетворяютъ, а только раздражаютъ жажду мышленія, начинаютъ философствовать, принимаются за изученіе философовъ, или чаще составляютъ сами себѣ систему, напр. материализмъ.

Странно, какимъ образомъ естественные науки не замѣ чаютъ своего положенія. Онъ иногда съ торжествомъ смыются надъ ошибками Шеллинга, Гегеля, надъ странностями Окена; почему имъ никогда не вздумается посмотреть на свои собственные ошибки? Недавно мнѣ попалось *Сокращеніе опытной физики Мушенброка*—книга, въ которой на первой страницѣ сказано, что она назначена *особенно для любящихъ физику*. Попробуйте посмотреть ее; вы найдете такія странности, такія нелѣпости на каждой страницѣ, что лучше и желать нельзя. Чѣо за опыты! Чѣо за выводы! Чѣо за гипотезы! Чѣо за выраженія! Итакъ, вотъ чѣому когда-то учили, какъ непреложной истинѣ! Вотъ положительное, опытное, твердое знаніе, которымъ такъ хвастаются натуралисты! Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что наши учебники будутъ также смыты для будущихъ поколѣній, какъ для насть физика Мушенброка.

Вообще, неточность, шаткость, неопределенность свѣдѣній нигдѣ не царствуютъ въ такой степени, какъ въ естественныхъ наукахъ. Только у громадныхъ умовъ, у Кювье, у Гумбольдта, вмѣстѣ съ точностью выраженія вы найдете и точность, определенность знанія; у другихъ на каждой страницѣ ошибки и промахи, такъ что второстепенные сочиненія

по естественнымъ наукамъ весьма далеки не только отъ истины, но и отъ современныхъ выводовъ, добытыхъ естественными науками. Шлейденъ какъ-то написалъ весьма коротенький курсъ животной физиологии. И что же? И онъ, столь осмотрительный и строгий, сдѣлалъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ.

Итакъ, этотъ лѣсъ положительныхъ знаній, въ которомъ блуждаютъ натуралисты, вовсе не представляетъ такого торжественного и свѣтлаго вида, какой иногда они воображаютъ себѣ. Но кромѣ промаховъ, которые происходятъ отъ обширности и несвязности предмета, естественные науки представляютъ множество ошибокъ другого рода, именно— ошибокъ логическихъ. Натуралисты большею частю не умѣютъ мыслить и не умѣютъ точно выражаться. Руководясь естественнымъ тактомъ, они, правда, идутъ вѣрною дорогою, но смыслъ, направление и цѣль дороги для нихъ вовсе не ясны. Поэтому, ихъ заблужденія бываютъ очень часто до крайности странны. Иной цѣлую жизнь только и дѣлаетъ, что опыты, да наблюденія, наблюденія, да опыты. Были бы факты, думаетъ онъ, а ужъ выводы будутъ. И что же? Съ удивленіемъ замѣчаетъ онъ, что нѣтъ-какъ-нѣтъ выводовъ. Зато, когда кто-нибудь другой, съ логикой болѣе строгой, сдѣлаетъ выводъ изъ тѣхъ фактовъ, надъ которыми и онъ также работалъ, онъ принимается жаловаться, что у него похитили открытие. Великій примѣръ такого рода представляетъ неутомимый Валентинъ, известный физиологъ. Ничего не можетъ быть печальнѣе нѣсколькихъ исторій, случившихся съ нимъ; ничего не можетъ быть печальнѣе тѣхъ несостоятельныхъ выводовъ, которые встрѣчаются такъ часто въ его физиологии. И вообще, ничего не можетъ быть печальнѣе, какъ споры натуралистовъ. Этотъ фактъ доказываетъ, какъ нельзя лучше, что не дурно было бы для нихъ познакомиться съ наукой, излагающей методы науки и научающей мыслить и спорить. Зачѣмъ понапрасну тратить время и силы, чернила и бумагу?

Только одно отчужденіе отъ философіи могло породить и поддержать такие споры, какъ о единстве органическаго состава, о жизненной силѣ, о конечныхъ цѣляхъ, и т. д.

Прямая и положительная польза отъ философіи для естественныхъ наукъ будетъ состоять именно въ разъясненіи тѣхъ понятій, которыя постоянно встрѣчаются въ этихъ наукахъ, въ уясненіи смысла ихъ *категорій*. Натуралисты постоянно употребляютъ слова: *сила, причина, атомъ, сходство, различие* и проч., словомъ, употребляютъ множество категорій, подъ которыя и подводятъ всѣ свои предметы; а между тѣмъ они и знать не хотятъ о Логикѣ, хотя Логика и есть наука объ этихъ самыхъ категоріяхъ. Зато и слова эти сдѣлались у натуралистовъ пустыми словами, о которыхъ они сами не знаютъ, какъ и думать. Въ Физикѣ или въ Химії вы встрѣчаете напр. фразу: «сущность вещества неизвѣстна». А спросите: что же разумѣется подъ сущностью вещества? Тоже неизвѣстно.

Итакъ, если натуралисты желаютъ имѣть точное понятіе о словахъ, которыя они употребляютъ, если они не хотятъ произносить ихъ безъ всякой ясной мысли, пусть раскроютъ логику Гегеля и поучаются. Глубокомысленнѣе, всестороннѣе и прозрачнѣе трудно изложить значеніе и взаимное отношеніе категорій. Конечно, натуралисты дошли бы до того же результата сами, вдумываясь въ явленія и въ понятія, которыя они употребляютъ *); но то, что не обойдется имъ безъ большихъ усилий, тѣ они найдутъ тамъ уже вполнѣ готовымъ и оконченнымъ. Что это должно повести къ болѣе быстрому развитію естественныхъ наукъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, потому что яснѣе и точнѣе обозначатся и цѣль, и средства изслѣдованія.

Я умышленно умолчалъ о другомъ результѣ, котораго вмѣстѣ съ тѣмъ достигнутъ натуралисты, именно—о построеніи прочного зданія философіи природы, о проникновеніи въ сущность матеріи природы. Гегеля упрекаютъ за несовершенство философіи природы, но этотъ упрекъ, можетъ быть, справедливъ только въ частности, то есть только въ отношеніи къ тому, что написалъ Гегель. Но вообще, если хо-

*) Такъ Дюбуа-Реймонъ достигъ до нѣкотораго яснаго понятія объ отношеніи *вещества и силы*. Съ гордостю приводитъ его слова Молешоттъ. Между тѣмъ Дюбуа-Реймонъ,—умъ ясный,—остался материалистомъ! Между тѣмъ, сотни вопросовъ, подобныхъ этому, разрѣшены Гегелемъ.

роша его Логика, то хороша должна быть и философія природы, потому что въ Логикѣ заключается вся ея сущность. Приложите Логику къ природѣ, и вы получите философію природы.

Этимъ я заключу свою статью.

Все это для многихъ можетъ показаться дерзко и какъ-то черезъ-чуръ свѣтло, но едва-ли такое чувство можетъ служить опорою для отверженія. Человѣчество до сихъ поръ отзывается какою-то тоскою, какимъ-то страхомъ за самого себя. Почему всегда истину считаютъ недостижимою? Почему смотрятъ на себя, какъ на что-то промежуточное, какъ на ступень для болѣе счастливыхъ потомковъ? Такое расположение духа несправедливо. Истина доступна человѣку во всемъ ея величіи, во всемъ сіяніи. Мы живемъ не половинною, но и полною, настоящею жизнью; мы—центръ и мѣра вселенной, со всѣмъ ея прошедшими и будущими.
